

С лешачихою покойник
 Стройно пляшет кекуок.
 Вслед за ними бледным хором
 Ловят муху колдуны,
 И стоит над косогором
 Неподвижный лик луны. . .
 Все смешалось в общем танце,
 И летят во все концы
 Гамадрилы и британцы,
 Ведьмы, блохи, мертвецы.

(233—234)

Стихотворение состоит из цепи метаморфоз, которые совершаются с населяющими его призраками. Уравненные друг с другом карнавальным вихрем в один ряд попадают блохи, гамадрилы, британцы, ведьмы. Карнавал не делает различия между нежитью и живым, между выдумкой и реальностью. Все колеблется, все готово обратиться в свою противоположность. И вот уже русалки — вовсе не русалки, они улетают в небо, а по пути становятся подобием огородных чучел, размахивающих руками-палками. Ведьмы уже не ведьмы, а слабый дымок, уходящий ввысь. Во все концы ночной вселенной разбросаны эти химерические создания горячего разума неведомой центробежной силой.

Герои «Столбцов» делаются похожими на персонажей мрачной мистерии, разыгранной в кабаках и подворотнях современного города. Такова «Белая ночь»:

Гляди: не бал, не маскарад,
 Здесь ночи ходят невпопад,
 Здесь, от вина неузнаваем,
 Летает хохот попугаем.
 Бегут любовники толпой,
 Один горяч, другой измучен,
 А третий книзу головой. . .
 Качалась Невка у перил,
 Вдруг барабан заговорил —
 Ракеты, выстроившись кругом,
 Вставали в очередь. Потом
 Они летели друг за другом,
 Вертя бенгальским животом.

(193)

Характерна эта картина фейерверка, в которой ракеты продельывают чисто человеческие поступки: выстраиваются в очередь, вертят животом. Мир вывернут наизнанку:²⁰ толпа

²⁰ Итальянский переводчик «Столбцов» А. Рипеллино остроумно замечал: «Порой персонажи приобретают аллегорическое значение. . . и ка-